

Sidney Sheldon

СИДНИ

ШЕЛДОН

ОБРАТНАЯ СТОРОНА УСПЕХА

Сидни Шелдон —
писатель № 1
в мире!

Сидни Шелдон

Обратная сторона успеха

«Издательство АСТ»

2005

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

Шелдон С.

Обратная сторона успеха / С. Шелдон — «Издательство АСТ»,
2005

ISBN 978-5-17-101108-6

Как стать знаменитым писателем? Как превратить свою жизнь в захватывающий, увлекательный роман? Как пробиться из нищеты и безвестности к мировой славе? И какова обратная сторона блистательной карьеры? Сидни Шелдон раскрывает вам секреты своего феноменального успеха!

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-101108-6

© Шелдон С., 2005
© Издательство АСТ, 2005

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сидни Шелдон

Обратная сторона успеха

Sidney Sheldon

THE OTHER SIDE OF ME

Печатается с разрешения Sidney Sheldon Family Limited Partnership и литературных агентств Janklow & Nesbit Associates и Prava I Prevodi International Literary Agency.

© Sidney Sheldon Family Limited Partnership, successor to the Rights and Interests of Sidney Sheldon, 2005

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Моим любимым внукам

Лиззи и Ребекке.

Пусть они узнают, какое волшебное путешествие я совершил.

Он, в семействе которого не имелось ни глупцов, ни негодяев, ни нищих, был порожден вспышкой молнии.

Томас Фуллер,

английский священник XVII века

Глава 1

В семнадцать лет я служил рассыльным в аптеке-закусочной «Афремоу» и считал, что мне крупно повезло, поскольку там можно было без особых хлопот стащить таблетки снотворного в достаточном количестве, чтобы покончить с собой. Собственно говоря, я не знал, сколько именно таблеток мне потребуется, поэтому наугад остановился на двадцати и старался не прикармливать больше чем пару-тройку за один раз, чтобы не возбудить подозрений фармацевта. Я читал, что комбинация виски и снотворного считается убийственной, и намеревался смешать и то и другое, чтобы уж было наверняка.

Наступила суббота. Та самая суббота, которую я ждал. Родители собирались уехать на уик-энд, мой брат Ричард сказал, что переночует у друга. Квартира опустеет, и никто не помешает моим планам.

В шесть вечера фармацевт объявил, что пора закрываться.

Он и понятия не имел, насколько прав! Пора прикрыть все, что я считал неправильным в своей жизни. Правда, я знал, что дело не только во мне. Вся страна была больна.

Шел 1934 год, и Америка переживала опустошающий кризис. Биржевой рынок потерпел крах пять лет назад, тысячи банков обанкротились, а вместе с ними множество предприятий и фирм. Более тринадцати миллионов людей потеряли работу и находились на грани отчаяния. Размеры зарплат катастрофически уменьшились, и имеющим работу счастливицам выплачивали не более никеля¹ за час. По стране бродили миллионы бездомных, двести тысяч из них составляли дети. Мы попали в тиски губительной депрессии. Бывшие миллионеры кончали жизнь самоубийством, а руководящие работники и администраторы продавали яблоки на улицах. Самой популярной песней стало «Унылое воскресенье». Я до сих пор помню один куплет:

*Унылое воскресенье
С тенями я провожу.
Я и сердце мое
Решили покончить со всем.*

Мир был окрашен в серые тона, и это вполне соответствовало моему настроению. Я барахтался в бездне отчаяния и больше не видел смысла в своем существовании. Чувствовал себя потерянным и выбитым из колеи. Несчастливым и одиноким. И всеми силами души желал того, что не мог ни определить, ни назвать.

Мы жили около озера Мичиган, всего в нескольких кварталах от берега, и как-то ночью я пошел туда, чтобы немного успокоиться. Дул сильный ветер, небо было затянуто облаками.

Я поднял голову и громко сказал:

– Если Бог есть, пусть покажется мне!

И тут же, к моему изумлению, тучи стали стягиваться, сливаться, образуя гигантское лицо. Внезапная вспышка молнии – и лицо словно глянуло на меня грозными сверкающими глазами. Я в панике бежал до самого дома.

Наша семья жила в маленькой квартирке на третьем этаже на Роджерс-Парк. Великий шоумен Майк Тодд как-то сказал, что он не раз разорялся, но никогда не чувствовал себя бедняком. В отличие от него я постоянно чувствовал себя бедняком, потому что мы жили в унижительной, жестокой бедности, когда в разгар холодной зимы и в сильные морозы приходилось отключать отопление, чтобы сэкономить деньги, и выключать свет, выходя из комнаты,

---

¹ Монета в пять центов (жарг.). – Здесь и далее примеч. пер.

а также выдавливать из бутылки кетчупа и из тюбика с пастой последние капли. Но я решил уйти от всего этого.

Когда я добрался до убогой квартирки, там никого не было. Родители уже уехали, а брат поспешил скрыться.

Я вошел в маленькую спальню, которую делил с Ричардом, и осторожно вытащил из-под комода пакет с таблетками. Потом отправился на кухню, взял с полки бутылку отцовского бурбона и отнес в спальню. Посмотрел на таблетки и виски, гадая, скоро ли они подействуют, налил немного спиртного в стакан и поднес к губам. Главное – не позволять себе задумываться над тем, что делаю!

Я глотнул виски, обжег нёбо и горло и едва не задохнулся. Немного придя в себя, я набрал в горсть таблеток и уже хотел сунуть в рот, и тут послышался голос у меня за спиной:

– Что это ты делаешь?

Я повернулся, пролив виски и рассыпав часть таблеток.

В дверях стоял отец.

– Не знал, что ты пьешь, – заметил он, шагнув ближе.

Я ошарашенно уставился на него.

– А... я думал, что вы уехали.

– Я кое-что забыл. Повторяю: что это ты делаешь? – процедил он, отбирая у меня стакан.

– Н-ничего, – пролепетал я, окончательно растерявшись.

Отец нахмурился.

– На тебя это не похоже, Сидни. Что стряслось? – повторил он и, только сейчас заметив пригоршню таблеток, окончательно вышел из себя. – Господи, что здесь происходит? Что это такое?

Мои мысли лихорадочно метались, но сколько-нибудь правдоподобное объяснение так и не подвернулось. Поэтому я вызывающе выпалил:

– Это снотворное! А что?

– Зачем оно тебе?

– Собираюсь... покончить с собой.

Последовало долгое молчание.

– Я понятия не имел, что ты так несчастлив, – наконец медленно выговорил отец.

– И ты меня не остановишь. А если и остановишь, я все равно сделаю это завтра.

Отец снова помедлил, пристально глядя на меня.

– Это твоя жизнь, и ты можешь делать с ней все, что захочешь, – вздохнул он и, поколебавшись, добавил: – Если не слишком спешишь, почему бы нам не прогуляться немного?

Я точно знал, о чем он думает. Недаром отец был продавцом. Наверняка попытается меня отговорить. Только у него не было ни малейшего шанса. Я сам решил, что мне делать!

– Ладно, – согласился я.

– Надень пальто, иначе простудишься.

Что за глупость! Мне ли, без пяти минут мертвецу, бояться простуды!

Я невольно улыбнулся.

Уже через пять минут мы с отцом шагали по насквозь продуваемым ветром улицам, с которых мороз прогнал всех пешеходов.

После очередной долгой паузы отец попросил:

– Расскажи мне все, сынок. Почему ты хочешь покончить с собой?

С чего начать? Как объяснить, насколько одиноким и обделенным я себя чувствовал?

Я отчаянно хотел чего-то... чего-то, чему не мог подобрать названия. Может, прекрасного будущего? Но прекрасного будущего у меня быть не могло. Несмотря на волшебные фантазии, к концу дня я неизменно оставался рассыльным из аптеки.

Я мечтал пойти в колледж, но на это не было денег. Мечтал стать писателем, даже написал несколько десятков рассказов и отослал в журналы «Стори», «Кольерз» и «Сэтеди ивнинг пост». И отовсюду получал стандартные бланки с отказами.

Вот я и решил, что не могу провести остаток жизни в этом беспросветном мраке.

– ...и в мире есть столько чудесных мест, которых ты не видел, – продолжил за меня отец.

Я постарался не слушать его, словно выключил звук приемника. *Если он уедет сегодня, я смогу завершить начатое.*

– Тебе наверняка понравится Рим...

Если он попытается остановить меня сейчас, сделаю это, когда он уберется, – упорно думал я, почти не слыша, что талдычит отец.

– Сидни, ты сам говорил, что больше всего на свете хочешь стать писателем.

Я мигом насторожился.

– Это было вчера.

– А как насчет завтра?

– Что? – опешил я.

– Ты не знаешь, что может случиться завтра. Жизнь – как роман, понимаешь? Полна тайн и неопределенности. Держит в напряжении. И ты никогда не узнаешь, что будет дальше, пока не перевернешь страницу.

– Я знаю, что будет дальше. Ничего.

– А вот это еще неизвестно. Каждый день – это новая страница, которая может быть полна сюрпризов. Повторяю, ты никогда не узнаешь, что будет дальше, пока не перевернешь страницу.

Я задумался. В чем-то он был прав. Каждое завтра действительно похоже на следующую страницу романа.

Мы свернули за угол и пошли дальше.

– Если ты действительно собрался покончить с собой, Сидни, я способен буду понять. Но не хотелось бы видеть, как ты закрываешь книгу, не дочитав до конца и упустив все то важное, что может произойти с тобой на следующей странице, странице, которую предстоит написать тебе.

Не закрывай книгу слишком скоро. Неужели я действительно готов закрыть ее слишком скоро? Ведь что-то чудесное вполне может произойти завтра.

Либо отец имел дар убеждения, либо я не так уж стремился оборвать свою жизнь, но ближе к концу следующего квартала я решил отложить исполнение плана.

При этом оставил за собой право выбора.

Глава 2

Я родился в Чикаго, на кухонном столе, сколоченном моими собственными руками. Так по крайней мере утверждала моя мать Натали. Натали была моей Полярной звездой, моей утешительницей, моей защитницей. Я был ее первенцем, и она всегда относилась к факту моего рождения как к чуду. Она и говорить не могла обо мне без помощи тезауруса. Я был умен, талантлив, красив и остроумен – и все это еще до того, как мне исполнилось полгода.

Я никогда не называл родителей папой и мамой. Они предпочитали «Натали» и «Отто», возможно, потому что это возвращало им некую иллюзию молодости.

Натали Маркус родилась в российском селе Славитка² под Одессой еще при последнем царе. Когда девочке было десять лет, ее мать, Анна, спасаясь от еврейских погромов, увезла ее в Америку.

Натали была настоящей красавицей: рост пять футов пять дюймов, мягкие каштановые волосы, умные серые глаза и прелестное лицо. Она обладала душой романтика и богатой внутренней жизнью. Образования она не получила, но научилась читать, любила книги и классическую музыку, мечтала выйти замуж за принца и объездить весь мир.

Но ее принцем оказался Отто Шехтель, чикагский хулиган, бросивший школу после шестого класса. Отто был красив и обаятелен, легко понять, почему Натали так к нему потянуло. Оба были мечтателями, вот только мечтали о разном. Натали грезила о романтическом мире с замками в Испании и прогулками в венецианской гондоле под лунным небом. Фантазии Отто чаще всего касались очередного плана мгновенного обогащения. Кто-то сказал, что для успеха в писательском ремесле необходимы бумага, перо и трудное детство в неблагополучной семье. Меня воспитывали сразу две такие семьи.

С одной стороны – клан Маркусов: два брата, Сэм и Эл, и три сестры, Полин, Натали и Фрэнсис.

С другой – Шехтели: два брата и пять сестер – Гарри, Отто, Роуз, Бесс, Эмма, Милдред и Тилли.

Шехтели, все как один, были экстравертами, сердечными, общительными и находчивыми. В отличие от сдержанных, скрытных интровертов Маркусов.

Обе семьи были не только совершенно разными. Они не имели абсолютно ничего общего. Вероятно, поэтому судьба и решила позабавиться.

Гарри Шехтель женился на Полин Маркус. Отто Шехтель, женился на Натали Маркус. Тилли Шехтель вышла замуж за Эла Маркуса. И словно всего этого было недостаточно, Сэм Маркус женился на лучшей подруге Полин. Словом, сплошная брачная лихорадка.

Гарри, старший брат Отто, был наиболее выдающимся членом клана Шехтелей: рост пять футов десять дюймов, мускулистый, сильный, с властным характером. Родись он итальянцем, из него вышел бы прекрасный *consigliere*³. Именно к нему шли за советом Отто и остальные члены семьи. У Гарри и Полин родились четверо мальчишек: Сеймур, Эдди, Говард и Стив. У нас с Сеймуrom разница была всего полгода, но он всегда казался гораздо старше своих лет.

Эл в семействе Маркусов был признанным кутилой и весельчаком, остроумным, обаятельным красавчиком, любившим карты и женщин, в отличие от Сэма, солидного, уже не слишком молодого бизнесмена, не одобрявшего образ жизни Маркусов. Сэм занимался тем, что арендовал гардеробные в различных чикагских отелях.

---

² В оригинале – Slavitka. Название явно искажено.

³ Советник (*ит.*). Второй человек в мафиозной семье.

Иногда мои дяди, собираясь вместе, отходили в уголок и заводили разговор о таинственной штуке, называемой сексом. На мой взгляд, звучало это потрясающе. Оставалось молиться, чтобы этот самый секс не исчез, прежде чем я вырасту.

Отто, мой отец, был мотом, обожавшим бросать деньги на ветер, независимо от их наличия или отсутствия. Не раз он приглашал дюжину гостей в дорогой ресторан, а когда приносили счет, занимал деньги у одного из них, чтобы этот самый счет оплатить.

Натали терпеть не могла одалживать или брать займы. Она обладала ярко выраженным чувством долга, и, становясь старше, я все отчетливее понимал, насколько они друг другу не подходят. Мать была несчастна, поскольку имела глупость выйти за человека, которого не уважала и который совершенно не интересовался ее внутренней жизнью. Мой отец женился на сказочной принцессе и, совершенно сбитый с толку, так и не смог прийти в себя от изумления, когда медовый месяц закончился.

Они постоянно спорили, то есть спорами это нельзя было назвать. Скорее бурными и шумными скандалами. Безошибочно находили слабые места друг друга и били туда, чтобы ранить наверняка. Ссоры становились настолько серьезными, что я сбегал из дома в библиотеку, где погружался в спокойные безмятежные миры книг о мальчиках Харди⁴ и Томе Свифте⁵.

Однажды, вернувшись домой из школы, я снова стал свидетелем, как Отто и Натали осыпали друг друга грязными ругательствами. И тут я решил, что больше такого не вынесу. Мне требовалась помощь. И я отправился к тете Полин, сестре Натали, милой, любящей пышечке, доброй, прагматичной и умной. Она, едва взглянув на меня, тут же спросила:

– Что случилось?

Я захлебывался слезами:

– Это Нат и Отто! Они все время ругаются! Не знаю, что мне делать.

Полин нахмурилась:

– Ругаются? При тебе?

Я кивнул.

– Ладно. Я скажу, что делать. Они оба любят тебя, Сидни, и не хотят ранить, так что, когда в следующий раз начнут скандалить, подойди и скажи, что больше не хочешь слышать ничего подобного и просишь не ругаться при тебе. Сумеешь?

– Да.

Совет тети Полин сработал.

Натали и Отто орали так, что стены тряслись, когда я подошел к ним и попросил:

– Не делайте этого больше. Пожалуйста, не кричите при мне.

Оба мгновенно опомнились.

– Конечно. Ты прав, дорогой. Больше такое не повторится, – пообещала Натали.

– Прости, Сидни. Мы не имеем права перекладывать на тебя свои проблемы, – добавил Отто.

После этого случая скандалы хоть не прекратились, но по крайней мере не выходили за пределы спальни.

Мы то и дело переезжали из города в город, поскольку Отто постоянно искал работу. Когда кто-то спрашивал меня, чем занимается отец, ответ неизменно зависел от того, где мы находились. В Техасе он служил у ювелира, в Чикаго – в магазине одежды, в Аризоне работал на истощившемся серебряном руднике, в Лос-Анджелесе – в бакалейной лавке.

---

⁴ Братья Фрэнк и Джо Харди – персонажи серии приключенческих книг для юношества.

⁵ Герой серии романов для детей.

Дважды в год Отто вел меня покупать новую одежду. «Магазином» служил грузовик, припаркованный в тихом переулке и набитый прекрасными костюмами, причем совершенно новыми. На некоторых даже болтались ярлычки с ценой, и, кстати говоря, вся одежда была поразительно дешевой.

В 1925 году, когда мне исполнилось восемь лет, родился мой брат Ричард. В то время мы жили в Гэри, штат Индиана, и я помню, как был счастлив получить брата, союзника в борьбе с темными силами моей жизни. Это было одним из наиболее волнующих событий в этой самой жизни. И я заранее строил грандиозные планы для нас обоих, и мне так хотелось, чтобы он побыстрее вырос. Ну а пока я возил его в коляске по всему Гэри.

Во время Великой депрессии наше финансовое положение чем-то напоминало сцены из «Алисы в Стране чудес». Отто постоянно был в отъезде, пытаясь проворачивать очередную мегасделку, пока мы с Натали и Ричардом жили в убогой тесной квартирке. Иногда он внезапно сваливался нам на голову и объявлял, что только сейчас заключил контракт, который принесет ему не меньше тысячи долларов в неделю, и не успевали мы оглянуться, как уже располагались в шикарном пентхаусе и в другом городе. Все как в волшебном сне.

И кончалось все так же быстро, как сон, потому что через несколько месяцев Отто терпел неизвестно какой по счету крах и мы снова оказывались в маленькой квартирке, но уже в другом городе.

Я чувствовал себя вечным беженцем. Если бы мы пожелали заиметь семейный герб, на нем следовало изобразить автофургон на дороге. До того как мне исполнилось семнадцать, я успел побывать в восьми городах и поучиться в восьми разных классах начальной и трех классах средней школы. И всегда оставался новеньким: в квартале, в классе, в городе. Оставался чужаком.

Продавцом Отто был гениальным, и, стоило мне прийти в новую школу в очередном городе, он в первый же день вел меня к директору и почти всегда уговаривал того перевести меня в более старший класс. В результате я вечно оказывался самым маленьким в классе, что тоже мешало завести друзей. Следствием стали непреодолимая застенчивость и комплекс неполноценности. Я сторонился одноклассников, делая вид, что люблю одиночество. И каждый раз, когда я пытался завязать дружбу, наступало время прощаться.

Не знаю, откуда взялись деньги, но однажды Натали купила маленький подержанный спинет⁶ и настояла, чтобы я брал уроки музыки.

– К чему это? – удивлялся Отто.

– Вот посмотришь, – уверяла Натали. – У Сидни даже руки музыкальные.

Мне нравились занятия, но все закончилось несколько месяцев спустя, когда мы переехали в Детройт.

Отто ужасно гордился тем, что он в жизни не прочел ни одной книги. Именно Натали привила мне любовь к чтению. Отто же постоянно расстраивался, что я, вместо того чтобы шататься по улицам и играть в бейсбол, вечно сижу дома, над книжками, которые брал из городской библиотеки.

– Ты испортишь глаза, – твердил он. – Почему бы тебе не брать пример со своего кузена Сеймура? Посмотри, как здорово он играет в футбол!

Мой дядя Гарри зашел еще дальше. Я однажды подслушал, как он говорит отцу:

– Сидни слишком много читает. Боюсь, он плохо кончит.

В десять лет я еще более усугубил свое положение, начав писать. Детский журнал «Уи уиздом» объявил поэтический конкурс. Я написал стихотворение и попросил Отто послать его на конкурс.

---

⁶ Клавишный инструмент, предшественник пианино.

Тот факт, что сын у него поэт, отнюдь не обрадовал Отто. Он очень занервничал. Позже я понял причину: он так боялся, что опозорится, когда журнал отвергнет мое произведение, что подписал его именем дяди Эла и все-таки отправил в журнал.

Две недели спустя Отто обедал с дядей Элом, и тот в полном недоумении сообщил:

– Произошло дурацкое недоразумение, Отто. С чего бы вдруг журнал «Уи уиздом» прислал мне чек на пять долларов?

Вот почему мое первое литературное произведение было опубликовано под именем Эла Маркуса.

Однажды мать задыхаясь вбежала в квартиру, обняла меня и воскликнула:

– Сидни, я только что от Беа Фэктор! Она сказала: «Сидни ждет всемирная слава!» Ну разве не чудесно?

Беа Фэктор, подруга матери, имела репутацию ясновидящей, и многие ее знакомые это подтверждали. Но я радовался только тому, что мать ей поверила.

В двадцатых и тридцатых годах Чикаго был городом шумной надземки, фургонов со льдом на конной тяге, забитых людьми пляжей, стрип-клубов, вони скотных дворов и бойни в День святого Валентина, когда семеро гангстеров были расстреляны из автоматов у стенки гаража.

Школьная система сильно напоминала городскую жизнь: такая же суровая и агрессивная. На уроках не «показывали и рассказывали», а «швыряли и рассказывали». Причем предметы швырялись не школьниками, а преподавателями. Однажды, когда я учился в третьем классе, учительнице не понравился ответ ученика. Она схватила тяжелую стеклянную чернильницу, установленную на парте, и метнула через всю комнату в голову ученика. Окажись она более меткой, наверняка прикончила бы беднягу. Я так испугался, что в тот день после перемены не вернулся в класс.

Моим любимым предметом был английский. В классе нам часто задавали читать вслух рассказы из книги «Элджин ридер». Мы выбирали рассказы По, О'Генри или Таркингтона, и я мечтал, что однажды учительница скажет: «Откройте страницу двадцатую» – и, подумать только! – там окажется история, написанная мной. Сам не знаю, откуда взялись эти мысли. Возможно, некая атавистическая связь с давно ушедшим предком.

На десятом этаже отеля «Соверен» находился бассейн, куда бегали купаться ребяташки со всей округи. При каждом удобном случае я брал туда пятилетнего Ричарда.

В тот день я оставил его на мелководье, а сам поплыл на глубину и там заговорился с кем-то из одноклассников. Ричард потерял терпение, вылез из бассейна и пошел меня разыскивать. Добрался до края, где было глубоко, поскользнулся, упал и камнем пошел на дно. К счастью, я сразу заметил, что случилось, нырнул и вытащил его.

С тех пор мы больше там не появлялись.

Когда мне исполнилось двенадцать и я учился в седьмом классе начальной чикагской школы «Маршал филд», нам поручили работать над собственными проектами. Я решил написать пьесу о детективе, расследующем убийство, и отдал готовое произведение учительнице. Она прочитала пьесу, вызвала меня к доске и сказала:

– По-моему, очень хорошо, Сидни. Не хочешь ее поставить?

Хочу ли я?!

– Да, мэм.

– Я договорюсь, чтобы ее показали в актовом зале.

И тут я вдруг вспомнил, как разволновалась Натали, услышав предсказание Беа Фэктор: *Сидни ждет всемирная слава.*

Меня распирало возбуждение. Это было только начало!

Весь класс захотел играть в пьесе. Но я решил быть не только режиссером и продюсером, но и сыграть главную роль. Разумеется, я никогда раньше не ставил пьес, зато точно знал, чего хочу.

Прежде всего я начал подбор актеров. Мне позволили устраивать репетиции после уроков в огромном актовом зале, и скоро в школе только и было разговоров что о моей пьесе. Стоило попросить, как мне давали любой реквизит: столы, стулья, диваны, телефон...

Это был один из самых счастливых периодов моей жизни. Я твердо верил, что это начало звездной карьеры. Если я в таком возрасте способен написать выдающуюся пьесу, значит, сумею подняться до заоблачных высот. Мои пьесы пойдут на Бродвее, а мое имя засверкает в огнях рекламы!

Генеральная репетиция прошла идеально. Все одноклассники, выбранные мной, прекрасно играли роли. Я подошел к учительнице.

– Все готово. Когда можно будет назначить спектакль?

– Может, завтра? – просияла та.

Ночью я не спал, чувствуя, что все мое будущее зависит от успеха пьесы. Лежа в постели, я мысленно проходил сцену за сценой, но, как ни старался, не смог выискать ни одного недостатка. Диалоги были превосходны, сюжет – динамичен и в конце приобретал совершенно неожиданный поворот. Пьеса наверняка всем понравится.

Утром, когда я пришел в школу, меня ждал сюрприз.

– Я договорилась освободить всех от уроков английского, чтобы побольше учеников смогли посмотреть спектакль.

Я не верил своим ушам – меня ждал еще более грандиозный триумф, чем я воображал.

В десять часов утра гигантский зал был переполнен. Собрались не только ученики, но и директор с учителями, прослышавшие о моей пьесе. Очевидно, всем не терпелось увидеть произведение новоявленного вундеркинда.

И только я, несмотря на всеобщее возбуждение, оставался спокойным. Очень спокойным. Все происходящее казалось мне вполне естественным, даже для столь раннего возраста. *Сидни ждет всемирная слава.*

В зале погас свет. Разговоры постепенно стихли, и занавес раздвинулся. Зрители увидели скромно обставленную гостиную, где мальчик и девочка играли мужа и жену, чей друг был убит. Они сидели на диване и беседовали.

Я играл детектива, расследовавшего убийство, и стоял за кулисами, готовый к выходу. Сигналом служила реплика мальчика, который должен был посмотреть на часы и сказать:

– Скоро должен прийти инспектор.

Но вместо «скоро» он начал говорить «вот-вот»... и только в последний момент спохватился и попытался изменить «вот-вот» на «скоро». В результате у него получилось «воскоро должен прийти инспектор».

Он тут же поправился, но было уже поздно. *Воскоро?* Ничего смешнее я в жизни не слышал. Это было так забавно, что я не выдержал. Хохотал и хохотал и не мог остановиться. И чем больше старался унять смех, тем громче хохотал.

Мальчик и девочка на сцене тарасились на меня, ожидая моего появления. Но я не мог сдвинуться с места, поскольку смех пригвоздил меня к месту. Он окончательно лишил меня сил и воли. Постепенно я все больше и больше впадал в истерику.

Пьеса закончилась, даже не начавшись.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем я услышал голос учительницы:

– Сидни, выходи к нам.

Я заставил себя покинуть спасительное убежище кулис и, спотыкаясь, вывалился в центр сцены. Учительница вскочила, прислушиваясь к взрыву моего неистового смеха.

– Немедленно перестань! – скомандовала она.

Но как я мог? *Воскоро!*

Зрители стали подниматься и вытекать из аудитории. Я смотрел им вслед, притворяясь, что смеюсь, потому что хочу смеяться, притворяясь, что все происходящее вовсе не имеет значения.

Притворяясь, что не хочу умереть.

Глава 3

К 1930 году Депрессия продолжала усиливаться, вытесняя из страны всякое подобие экономики. Очереди за хлебом росли, безработица принимала вид пандемии. На улицах начались беспорядки.

Я окончил начальную школу «Маршал филд» и нашел работу в аптеке «Афремоу». Натали работала кассиром на катке, где устраивались гонки на роликовых коньках: новое всеобщее помешательство на гигантских деревянных аренах под шатрами-куполами, где отважные мужчины на роликовых коньках мчались по катку, сбивая соперников и нанося удары, ставя синяки и затеявая драки, ко всеобщему одобрению аудитории.

Отто тем временем путешествовал по стране в очередной попытке заключить очередной миллионный контракт. Иногда он, полный энтузиазма, заглядывал домой.

– У меня хорошее предчувствие Я только сейчас провернул сделку, которая выведет нас на широкую дорогу.

И мы собирали вещи и переезжали в Хаммонд, Даллас или «Киркланд джанкшн», штат Аризона.

– «Киркланд джанкшн»?!

– Вам там понравится, – пообещал Отто. – Я купил серебряный рудник.

Киркланд оказался маленьким городком в ста четырех милях от Финикса, но мы направлялись не туда. «Киркланд джанкшн» – название заброшенной автозаправки, и нам пришлось жить там три отвратительных месяца, пока Отто пытался монополизировать рынок серебра. К сожалению, выяснилось, что рудник полностью истощен.

Нас спас телефонный звонок дяди Гарри.

– Как там серебряный рудник? – спросил он.

– Паршиво, – признался Отто.

– Не расстраивайся. Я в Денвере. Открываю крупную брокерскую компанию и хочу, чтобы ты ко мне присоединился.

– Уже едем! – заверил Отто и, повесив трубку, повернулся к нам: – Мы перебираемся в Денвер. У меня самые хорошие предчувствия насчет этой фирмы.

Денвер оказался сплошным восторгом: чистенький и красивый, а с увенчанных снежными вершинами гор постоянно дул прохладный ветер. Денвер мне сразу понравился.

Гарри и Полин нашли роскошный двухэтажный особняк в элегантном районе Денвера. На задах дома рос настоящий лес. Огромный зеленый участок назывался Чизмен-Парк. Мои кузены, Сеймур, Говард и Эдди, обрадовались нашему приезду, и мы, в свою очередь, были рады их видеть.

Сеймур водил ярко красный «пирс-эрроу» и встречался с девушками старше себя. Эдди на день рождения подарили верховую лошадь. Говард выигрывал теннисные матчи в лиге юниоров. Атмосфера денег и богатства в их доме ничуть не напоминала наше убогое существование в Чикаго.

– Мы будем жить с Гарри и Полином? – спросил я родителей.

– Нет, – одновременно ответили они.

Оказалось, что родители приготовили мне сюрприз.

– Мы покупаем дом.

Увидев дом, который собирались купить Отто и Натали, я не поверил глазам. Красивый, с чудесным садом, в тихом пригороде на Мэрион-стрит. Большие уютные комнаты с новой хорошей мебелью, ничуть не похожей на обшарпанную обстановку квартир, в которых я прожил всю жизнь. Это было не просто здание. Это был настоящий дом. Стоило мне переступить порог, как я почувствовал, что моя жизнь изменилась. Что у меня наконец появились корни.

Что больше не будет бесконечных переездов из города в город, утомительного калейдоскопа квартир и школ.

Отто обязательно купит этот дом. Я женюсь, и мои дети будут здесь расти...

Впервые на моей памяти у нас появились деньги. Бизнес Гарри шел так хорошо, что теперь он владел тремя брокерскими фирмами.

Осенью 1930 года, в тринадцать лет, я записался в среднюю школу «Ист хай» и не прогадал. Учителя в Денвере оказались приветливыми и всегда были готовы помочь. Никто не швырялся в учеников чернильницами. У меня появились друзья, и мне нравилось возвращаться в чудесный дом, которому предстояло скоро стать нашим. Натали и Отто, похоже, решили большинство личных проблем, что делало жизнь еще приятнее.

Как-то на уроке физкультуры я поскользнулся, повредил спину и какую-то мышцу потянул. Боль была невыносимой. Я лежал на полу, не в силах шевельнуться. Меня отнесли в кабинет доктора. Когда он закончил осмотр, я спросил, останусь ли калекой на всю жизнь.

– Нет, – заверил он. – Один из позвоночных дисков сдвинулся и давит на спинной мозг. Это и вызывает боль. Лечение очень простое: пролежать в постели два-три дня с грелкой, чтобы расслабить мышцы, и диск встанет на место. Вот увидишь, все пройдет.

«Скорая» отвезла меня домой, а парамедики уложили в постель. Боль не утихала, но, как и сказал доктор, через три дня я встал как ни в чем не бывало.

Мне и в голову не пришло, что это происшествие повлияет на всю мою жизнь.

* * *

В один прекрасный день я пережил поистине неземное приключение. В Денвере устраивали окружную ярмарку, и лучшим аттракционом был полет на аэроплане.

– Хочу подняться в воздух, – заявил я Отто. Тот, поразмыслив, разрешил. Самолет оказался красавцем «линкольном-коммандер», и у меня замерло сердце, когда я представил, что могу в него попасть. Пилот посмотрел на меня и спросил:

– Первый раз?

– Первый раз.

– Пристегни ремень. Это будет нечто незабываемое.

Он не ошибся. Полет стал абсолютно сюрреалистическим переживанием. Я наблюдал, как земля разворачивается подо мной и тут же исчезает, и никогда не испытывал ничего более потрясающего.

Когда мы приземлились, я сказал Отто, что хочу попробовать еще раз.

И он согласился. Я твердо решил, что когда-нибудь обязательно стану летчиком.

Рано утром, весной 1933-го, Отто вошел в спальню. Лицо его было мрачным.

– Собирайся. Мы уезжаем.

– Куда? – ошеломленно спросил я.

– Мы возвращаемся в Чикаго.

Я не верил своим ушам.

– Мы уедем из Денвера?

– Верно.

– Но...

Однако отец уже исчез. Я оделся и пошел к Натали:

– Что случилось?

– Между твоим отцом и Гарри... произошло недоразумение.

Я осмотрел дом, в котором, как думал, проживу до конца своих дней.

– А этот дом?

– Мы отказались от покупки.

Наше возвращение в Чикаго было безрадостным. Ни Отто, ни Натали не хотели говорить о случившемся. После Денвера Чикаго казался чужим и равнодушным. Мы остановились в маленькой квартирке, а я вернулся к реальности: у нас не было денег, а приличную работу тут найти невозможно. Отто снова пустился в разъезды, Натали же устроилась продавщицей в универмаг. Я отчаянно хотел поступить в колледж, но теперь об этом не могло быть и речи. Денег на учебу не достать. Стены квартиры душили меня. Все вокруг было серым. Даже запах.

«Не могу жить так до самой смерти», – думал я. Бедность, в которой мы существовали, стала еще отвратительнее после короткого пьянящего вкуса роскоши в Денвере, и нам постоянно не хватало самого необходимого. Должность рассыльного в аптеке отнюдь не казалась мне пределом мечтаний.

Именно в этот момент я решил покончить с собой, а Отто отговорил меня, посоветовав продолжать переворачивать страницы. Но страницы все никак не переворачивались. И ждать было нечего: обещания Отто оказались пустышками.

В сентябре я записался в школу «Сенн хай». Отто в очередной раз уехал, поклявшись сорвать джекпот. Натали с утра до вечера трудилась в универмаге, но денег все равно не хватало. Значит, мне следовало найти способ помочь семье.

Я подумал о Сэме, старшем брате Натали, арендовавшем гардеробные в нескольких отелях в Петле⁷. У него работали привлекательные, фривольно одетые молодые женщины и парни-гардеробщики. Посетители давали женщинам щедрые чаевые, не зная, что деньги идут администрации.

Я сел в поезд надземки и отправился в Петлю, к дяде Сэму. Он сидел в своем офисе, в отеле «Шерман».

– Вот так сюрприз! – обрадовался он, увидев меня. – Что я могу для тебя сделать?

– Мне нужна работа.

– Вот как?

– Я надеялся, что вы, может быть, дадите мне место гардеробщика?

Сэм знал, как нелегко нам приходится. Задумчиво осмотрев меня, он кивнул:

– Почему бы нет? Ты выглядишь старше семнадцати лет. Думаю, отель «Бисмарк» вполне тебе подойдет.

Я начал работать на той же неделе.

Обязанности гардеробщика были простые. Посетители отдавали пальто и шляпы служащей в обмен на номерки. Она поручала вещи гардеробщику, который и вешал их на соответствующее место. Когда посетитель возвращался, все повторялось в обратном порядке.

Теперь у меня был новый режим дня. Я сидел на уроках до трех часов, а сразу после школы ехал поездом в Петлю, выходил у отеля «Бисмарк» и шел работать. Моя смена длилась с пяти часов до самого закрытия, то есть до полуночи, а иногда и позже, если в ресторане устраивалось какое-то мероприятие. Мне платили три доллара за вечер. Деньги я относил Натали.

Больше всего народа собиралось по уик-эндам, да и вечеринки в эти дни устраивались чаще всего, так что я работал все семь ночей в неделю. Праздники переживать было тяжелее всего. В отели на Рождество и Новый год приезжали целыми семьями, и я завидовал, наблюдая, как дети веселятся вместе с родителями. Натали целыми днями пропадала на работе, Отто уехал, и мы с Ричардом были совершенно одни. Нам не с кем было отмечать праздники. В восемь часов, пока все наслаждались торжественным ужином, я бежал в кафетерий или закусочную, что-то наспех перехватывал и возвращался к работе.

Самыми яркими пятнами в моей унылой жизни становились вечера, когда в гардеробной дежурила тетя Фрэнсис, брызжащая весельем и энергией младшая сестра Натали, маленькая, жизнерадостная брюнетка, наделенная чувством юмора и умом. Посетители ее обожали.

---

⁷ Так называют деловой центр Чикаго.

В гардеробной «Бисмарка» как-то появилась новая служительница, Джоан Витуччи. Всего на год старше меня, она была очень хорошенькой. Меня так и тянуло к Джоан, и постепенно я стал мечтать о встречах с ней. Можно начать с простого свидания. Пусть денег у меня нет, но должна же она увидеть мои положительные качества! Мы полюбим друг друга, поженимся и родим чудесных детей.

Как-то вечером она сказала:

– Мои тетя и дядя каждое воскресенье устраивают семейные обеды. Думаю, тебе понравятся мои родственники. Если ты свободен в это воскресенье, может, придешь?

Мечты сбывались!

То воскресенье запомнилось мне навсегда. Дружная итальянская семья собралась за большим обеденным столом, на котором красовались спагетти, лазанья, цыпленок в томатном соусе и другие блюда.

Луи Алтьери, дядя Джоан, шумный, веселый человек, оказался главой профсоюза чикагских дворников. Перед уходом я поблагодарил хозяев за гостеприимство и сказал Джоан, что прекрасно провел время. Втайне я считал, что этот день положит начало нашим близким отношениям.

Наутро Луи Алтьери был застрелен наемным убийцей, когда покидал свой дом.

Джоан навсегда исчезла из моей жизни.

Мечте пришел конец.

Школа днем, гардероб вечером, аптека по субботам... Времени почти не оставалось.

Дома творилось нечто странное. Напряжение ощущалось всегда, только теперь оно приобрело совершенно иной оттенок. Натали и Отто постоянно шептались и ходили как в воду опущенные.

Однажды утром Отто подошел ко мне и сказал:

– Сынок, я уезжаю на ферму. Сегодня.

Я очень удивился, тем более что сам никогда не бывал на ферме. Может, там будет совсем неплохо?

– А что, если я поеду с тобой, Отто?

Он покачал головой:

– Прости, я не могу взять тебя.

– Но...

– Нет, Сидни.

– О'кей, когда ты вернешься?

– Через три года, – выдавил он и отошел.

Три года? Немыслимо! Как он смеет бросать нас на три года ради какой-то фермы?

В комнату вошла Натали. Я кинулся к ней:

– Что происходит?

– Боюсь, у меня для тебя дурные новости. Твой отец связался с плохими людьми. Он продавал автоматы для магазинов. Но оказалось, что люди, на которых он работал, взяли деньги и скрылись. Их поймали, судили, но и твоего отца признали виновным и должны посадить в тюрьму.

Я потрясенно смотрел на нее. Так вот о какой ферме шла речь!

– На три года? – пробормотал я, не зная, что сказать.

Что мы будем делать без него целых три года?!

Как оказалось, не стоило так волноваться.

Всего через год, после того как Отто явился в окружную тюрьму Лафайетт, он возвращался домой героем.

Глава 4

Мы прочли историю о героическом поступке Отто в газетах и несколько раз слышали по радио, но хотели, чтобы он сам рассказал нам обо всем. Я понятия не имел, что делает тюрьма с человеком, но почему-то представлял, что отец вернется домой другим: бледным и сломленным.

Меня ждал приятный сюрприз. Отто так и сиял.

– Я вернулся, – объявил он.

Мы бросились его обнимать и хором требовали рассказать, как все было.

– С удовольствием, – кивнул Отто и, усевшись за кухонный стол, начал рассказ: – Я работал на тюремном дворе в бригаде уборщиков. Примерно в пятидесяти футах стоял гигантский резервуар, откуда поступала вода для тюремных нужд. Резервуар окружала ограда высотой футов в десять. Я случайно поднял глаза и увидел, как из здания вышел маленький мальчик, лет трех-четырёх. Бригада закончила работу, и я остался один. На что-то отвлекся, а когда снова посмотрел в ту сторону, мальчик уже взбирался по ступеням ограды и почти достиг самого верха. Я огляделся, нет ли поблизости его няньки или матери. Но во дворе никого, кроме меня и мальчика, не было. Тут он вскарабкался еще выше, поскользнулся и упал в резервуар. Охранник на смотровой вышке заметил, что происходит, но я знал: он ни за что не успеет спасти мальчика.

Я поднялся и что было сил побежал к ограде. Взлетел на верхнюю ступеньку, посмотрел вниз и увидел на дне ребенка. Тогда я нырнул и вытащил его. Несколько минут мне удалось продержаться на поверхности, пока не прибыла помощь. Нас подняли наверх. Потом меня пару дней продержали в больнице, потому что я наглотался воды и был весь в синяках.

Мы жадно впитывали каждое слово.

– К счастью, мальчик оказался сыном начальника тюрьмы. Начальник с женой пришли навестить меня в больнице и долго благодарили. – Отто вздохнул и улыбнулся. – И на этом история бы завершилась, но тут выяснилось, что я не умею плавать, и тогда дело приняло иной оборот. Я неожиданно стал героем. О моем поступке сообщили газеты и радио. Тюремному начальству посыпались звонки, письма и телеграммы с предложениями работы для меня и просьбами об амнистии. Начальник встретился с губернатором, и было решено, что, поскольку мое преступление не особенно серьезное, для улучшения их собственного имиджа будет лучше меня помиловать. – Отто протянул руки жене. – И вот я здесь.

Мы снова стали одной семьей.

Вероятно, это было простым совпадением, но вскоре «Б'най Б'рит», еврейская благотворительная организация, решила дать мне стипендию, о которой я просил год назад. Это было настоящим чудом. Я первый из семьи мог поступить в колледж. Страница перевернулась. Я решил, что, возможно, у меня все-таки есть будущее.

Но в семье по-прежнему катастрофически не хватало денег.

Сумею ли я работать в гардеробной семь ночей в неделю, в аптеке – по воскресеньям и одновременно учиться в колледже?

Посмотрим.

Северо-Западный университет расположен в Эванстоне, штат Иллинойс, в двенадцати милях к северу от Чикаго. Кампус, занимающий двести сорок акров на берегу озера Мичиган, поистине великолепен. В понедельник в девять утра я вошел в офис секретаря, ведающего записью студентов.

– Я хочу поступить в университет.

– Ваше имя?

– Сидни Шехтель.

Секретарь вынула тяжелый том и быстро нашла нужную страницу.

– Вы есть в списках. Какие курсы вы хотели бы посещать?

– Все.

Женщина с недоумением уставилась на меня:

– То есть?

– Извините, я хочу сказать, сколько мне позволят. Пока я здесь, хотелось бы изучить все, что можно.

– А что вас интересует больше всего?

– Литература.

Она вынула стопку проспектов, выбрала один и протянула мне:

– Вот список всех дисциплин.

– Здорово, – пробормотал я, просмотрел список и, отметив нужные пункты, вернул листок.

Секретарь мельком взглянула на список.

– Вы собираетесь изучать максимальное количество дисциплин?

– Верно. – Я нахмурился. – Только вот латыни здесь нет. Я бы очень хотел заняться и латынью.

Женщина озадаченно уставилась на меня.

– Вы действительно считаете, что справитесь со всем этим?

– Без проблем, – улыбнулся я.

«Латынь», – записала она.

От нее я направился на кухню кафетерия.

– Вам, случайно, не нужен помощник официанта?

– Очень нужен!

Итак, я приобрел еще одну должность, но этого было недостаточно. Я ощущал настоятельную потребность добиться большего, словно наверстывал потерянное время. И поэтому заглянул в редакцию университетской газеты «Дейли нортвестерн».

– Я Сидни Шехтель, – представился я мужчине за письменным столом с табличкой «Редактор». – Хотелось бы поработать у вас.

– Простите, штат заполнен. Попробуйте в следующем году.

– В следующем году будет слишком поздно, – пояснил я и, немного поразмыслив, добавил: – У вас есть раздел шоу-бизнеса?

– Шоу-бизнеса?

– Да. Звезды постоянно устраивают шоу в Чикаго. Неужели вы никому не поручали брать у них интервью?

– Нет. Мы...

– Знаете, кто сейчас в городе и жаждет дать нам интервью? Кэтрин Хэпберн.

– Но наша газета не собирается...

– И Клифтон Уэбб.

– Мы никогда не...

– Уолтер Пиджин.

– Я могу потолковать кое с кем, но боюсь...

– Джордж Коэн⁸.

Редактор удивился:

– И вы их всех знаете?

Я словно не слышал вопроса.

---

⁸ Упомянуты известные американские актеры того времени.

– Нельзя терять время! Как только гастроли закончатся, они уедут из города.

– Ладно, Шехтель, давайте попробуем.

Он и понятия не имел, как я разволновался.

– Это лучшее решение из всех, когда-либо вами принятых.

– Посмотрим. Когда можете начать?

– Я уже начал. Первое интервью появится в следующем выпуске.

– Уже? – удивился он. – И с кем?

– Не скажу. Сюрприз.

Впрочем, для меня это тоже было сюрпризом.

В редкие свободные минуты я брал интервью у многих довольно известных людей. Для начала я разыскал Гая Кибби, второстепенного характерного актера того времени. Настоящие звезды никогда бы не снизошли до интервью в студенческой газете.

Я продолжал работать в гардеробе и аптеке, посещал максимально разрешенное количество лекций, занимался латынью, выполнял обязанности помощника официанта и состоял в штате «Дейли нортвестерн». И все же по-прежнему думал, что этого мало. Наверное, другим я казался одержимым. И я постоянно прикидывал, что бы еще сделать. В Северо-Западном была прекрасная футбольная команда, и я не видел причин, почему бы не попасть и туда. То есть пребывал в полной уверенности, что пригожусь «Уайлдкэтс».

Наутро я отправился на футбольное поле, где тренировалась команда. В тот год звездой считался Паг Рентнер, которого ждала блестящая карьера в НФЛ. Я подошел к тренеру, наблюдавшему за игрой, и попросил уделить мне несколько минут.

– Что вам нужно? – сердито осведомился он.

– Я бы хотел попасть в команду.

Тренер окинул меня взглядом.

– В команду, вот как? Сложение у вас неплохое. Где играли?

Я не ответил.

– Средняя школа? Колледж?

– Нет, сэр.

– Начальная школа?

– Нет, сэр.

Тренер с недоумением уставился на меня:

– Вы никогда не играли в футбол?

– Нет, но я быстро бегаю и...

– ... и хотели бы попасть в эту команду? Сынок, советую забыть об этом, – бросил он и снова повернулся к игрокам, затеявшим схватку из-за мяча.

Таков был конец моих футбольных устремлений.

Преподаватели в Северо-Западном были превосходными, а занятия – интересными. Я изголодался по знаниям и с жадностью поглощал все, что мне давали.

Через неделю после начала занятий я увидел в коридоре объявление: «Отборочные испытания сегодня вечером. Дискуссионный клуб Северо-Западного».

Я остановился. Еще раз прочитал объявление. Хотя я понимал, что это безумие, меня все же так и тянуло попробовать.

Где-то я читал изречение, что многие люди больше смерти боятся публичных выступлений. И я относился к этому большинству. Ничто так не страшило меня, как публичные выступления. Но я был одержимым. И готов был хвататься за все. Продолжать переворачивать все новые страницы.

Вечером я вошел в зал, где проходили испытания. Там собралось множество молодых людей и девушек, ожидавших своей очереди. Все ораторы, на мой взгляд, были невероятно талантливы, прекрасно владели собой, говорили бегло, свободно и очень уверенно.

Наконец подошла моя очередь. Я поднялся и приблизился к микрофону.

– Ваше имя? – спросил ведущий.

– Сидни Шехтель.

– Ваша тема?

К этому я был готов.

– Капитализм против коммунизма.

– Валяйте, – кивнул он.

Я начал говорить, считая, что все идет лучше некуда. Но, не высказав и половины того, что собирался, вдруг замолчал. Язык словно примерз к нёбу. Я понятия не имел, как продолжить. Последовала длинная, напряженная пауза. Я промямлил что-то в завершение темы и поплелся к дверям, мысленно проклиная себя.

– Разве ты не первокурсник? – спросил стоявший у двери студент.

– Точно.

– И тебе никто не сказал?

– Что именно?

– Первокурсникам не позволено участвовать в дискуссиях. В клуб берут только со старших курсов.

«Вот и хорошо, – подумал я. – По крайней мере теперь хоть как-то можно оправдать мой провал».

Утром имена новых членов клуба были вывешены на доске объявлений. Я из любопытства подошел взглянуть. В списке значилась фамилия «Шектер». Помню, я еще отметил, что фамилия очень похожа на мою. В конце было приписано, что все избранные должны в половине четвертого подойти к куратору клуба.

В четыре мне позвонили.

– Шектер, что с вами стряслось?

Сначала я не понял, кто со мной говорит и о чем.

– Да ничего. А в чем дело?

– Разве вы не видели объявления? Почему не подошли к куратору?

Шектер. Должно быть, они не так расслышали.

– Да, но я думал... я ведь первокурсник.

– Знаю. Мы решили сделать для вас исключение. Меняем правила.

Вот так я стал первым новичком в истории университета, принятым в дискуссионный клуб Северо-Западного.

Еще одна страница была перевернута.

Несмотря на все нагрузки, которые я добровольно на себя взвалил, мне все же чего-то не хватало. Вот только чего? Я не понимал этого, но постоянно ощущал неудовлетворенность, находился в состоянии некоего отчуждения, вернее, изоляции от окружающих, испытывал беспокойство и тревогу. Наблюдая, как орды студентов спешат на занятия и с занятий, я невольно думал: «Все они анонимны. Безлики. А когда умрут, никто не узнает, что они вообще жили на этой земле».

Волны депрессии накатывали на меня.

«Я хочу, чтобы люди знали, что я жил здесь. Хочу, чтобы люди это знали. Хочу отличаться от остальных. Выделяться».

Вскоре депрессия стала еще сильнее. Меня словно душили густые черные тучи. Наконец в полном отчаянии я записался на прием к психологу колледжа, решив узнать, что со мной происходит.

Но по пути к нему я по неизвестной причине так развеселился, что начал петь. Добравшись до входа в здание, где находился кабинет психолога, я остановился. Зачем туда идти? Я и без того счастлив. Психолог еще решит, что я ненормальный!

Это было ошибкой. Поговори я с психологом тогда, наверняка узнал бы то, что смог обнаружить только много лет спустя.

Депрессия обрушилась на меня с новой силой, и конца ей не предвиделось.

С деньгами тоже становилось все хуже. Отто не мог найти работу, а Натали шесть дней в неделю пропадала в универмаге. Я по-прежнему каждый вечер трудился в гардеробе, а по субботам – в аптеке, но даже со случайными заработками Отто и жалованьем Натали этого оказалось недостаточно. Шел февраль тридцать пятого года, и мы уже успели задолжать за квартиру.

Как-то ночью я подслушал разговор Отто и Натали.

– Не знаю, что нам делать, – жаловалась мать. – Кредиторы осаждают. Может, взять еще ночную смену?

Ну уж нет! Мать и так надрывалась с утра до вечера, а вернувшись, готовила ужин и убирала. Я не мог допустить, чтобы она еще и по ночам не спала!

Следующим утром я решил бросить университет. Узнав об этом, Натали пришла в ужас.

– Ты не можешь прервать учебу, Сидни, – заплакала она. – Мы как-нибудь вывернемся.

Но я знал, что этому не бывать. И потому стал искать еще одну работу. Депрессия была в самом разгаре, и по улицам ходили толпы безработных. Я обращался в рекламные агентства, газеты, на радиостанции, но вакансий не было.

По дороге на очередное собеседование с главой радиостанции я увидел большой универмаг «Мендель бразерс». Там было полно народу. Покупателей обслуживали с полдюжины продавцов. Я решил, что терять все равно нечего, вошел, осмотрелся и стал прохаживаться по универмагу. Он показался мне гигантским. Я миновал отдел женской обуви и остановился.

Здесь, должно быть, не слишком трудно работать.

– Чем могу помочь? – спросил подошедший мужчина.

– Я бы хотел видеть управляющего.

– Управляющий – это я. Моя фамилия Янг. Что я могу для вас сделать?

– Я ищу работу. У вас нет вакансий?

Мистер Янг осмотрел меня и, помедлив, признался:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.